

Илья и Соловей-разбойник (2)

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый молодец,
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольнёй Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна вóрона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат.
Птица черной ворон не пролетывает,
Серый зверь да не прорыскиват,
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Ён подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же, мужички да вы черниговски!
А нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольний Киев-град.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славная богáтырь святоруськии!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той ли по дорожке прямоезжою
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у Грязи-то у Чернойей,

Да у той ли у березы у покляпяя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Сіди Сóловей-разбойник во сыром дубу,
Сіди Сóловей-разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей до по-солóвьему,
Ён кричит злодей разбойник по-звериному,
И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-мура́вы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой цела тысяща.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Ёго добрый конь да богатырскии
С горы на́ гору стал перескакивать,
С холмы на́ холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке по Смородинки,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чернойей,
Да ко тою ко березы ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Левонидову.
Засвистал-то Сóловей да й по-солóвьему,
Закричал злодей разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися,
Его доброй конь да богатырскии
А он на корзні да потыкается;
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзні, собака, потыкаешься?

Не слышал ли посвисту соловьяго,
Не слышал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук розрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Ён тетивочку шелковенку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Сбловья-разбойника,
Ёму выбил право око со косичею.
Ён спустил-то Сбловья на сыру землю,
Пристянул его ко правому ко стремечки булатному,
Ён повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повез да Соловьиное.
Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых;
Больша дочка эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит ёна да таковы слова:

— Едет-то наш батюшко чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везет ён мужичищо-деревенщину,
Да у правого стремени прикована.

Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшко роздольицем чистым полем
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичищо-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром кони,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.

Ему выбито-то право око со косичею.

Говорила-то й она да таковы слова:
— Ай же, мужевья наши любимыи!
Вы берите-тко рогатины звериные,
Да бежите-тко в роздольице чисто поле,

Да вы бейте мужичища-деревенщину.

Эти мужевья да их любимыи,
Зятевья-то есть да Соловьиныи,
Похватали как рогатины звериныи,
Да и бежали-то они да й во чистó поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:

— Ай же, зятевья мои любимыи,
Побросайте-тко рогатины звериныи,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьицем медвяным,
Да й дарите ёму дары драгоценные.

Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звериныи
А й зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное.
Да й мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чистú полю,
Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев-град.
Ён приехал-то во славный стольнёй Киев-град
А ко славному ко князю на широкой двор.
А й Владимир-князь он вышел со божьёй церкви,
Он пришел в полату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора,
Сам идет он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На́ пятау он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по-писáному,
Вел поклоны по-учёному,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:

— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый мóлодец,
Тобе как-то молодца да именём зовут,
Звеличают удалáго по отечеству?

Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:

— Есть я с славнаго из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!

Говорит ему Владимир таковы слова:

— Ай же, старыя казак да Илья Муромец,
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженкой ты ехал в стольнёй Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:

— Ай ты славныя Владимир стольнё-киевской!
Я стоял заутрену христовскую во Муромли,
А й к обеденки поспеть хотел я в стольнёй Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженкой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченку Смородину,
Мимо славную березу-то покляпую,
Мимо славный ехал Левонидов крест.

Говорил ёму Владимир таковы слова:

— Ай же, мужичищо-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славнаго у города Чернигова
Нагнанó тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А й у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпою,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,

То как свищет Сóловей да по-солóвьему,
Как кричит злодей разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвó лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:

— Ты Владимир-князь да стольнё-киевской!
Соловей-разбойник на твоём двори,
Ему выбито ведь право око со косичею,
Й он ко стремени булатному прикованной.

То Владимир-князь-от стольнё-киевской
Он скорешенько ставал да на резвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко́,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Сóловья-разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:

— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закрычи-тко, собака, по-звериному.

Говорил-то Сóловей ему разбойник Одихмантьев сын:

— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казáка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольнё-киевский:

— Ай же, старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Сóловью да й по-солóвьему,
Прикажи-тко закрыть да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:

— Ай же, Сóловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во пóл-свисту соловьяго,
Закрычи-тко ты во пóл-крыку зверинаго.

Говорил-то ёму Сóловей-разбойник Одихмантьев сын:

— Ай же, старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахáрныи,
Не могу я засвистать да й по-солóвьему,
Закрычать-то не могу я по-звериному.

А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мни да зеленá вина,
Я повыпью-то как чару зеленá вина,
Мои раночки кровавы порозóйдутся,
Да й уста мои сахарни поросхóдятся,
Да тогда я засвищу да по-солóвьему,
Да тогда я закрычу да по-звериному.

Говорил Илья-тот князю он Владимиру:
— Ты Владимир-князь да стольнё-киевской!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зеленá вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко к Сóловью к разбойнику.

То Владимир-князь да стольнё-киевской
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыма,
Приносил-то ён ко Сóловью-розбойнику.
Соловей-розбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку-ту Соловей однým духóм,
Засвистал как Соловей тут по-солóвьему,
Закрычал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покрíвились,
А окóленки во теремах рассыпались
От него, от посвисту соловьяго,
А что есть-то людюшок, так вси мертв́и лежат;
А Владимир-князь-от стольнё-киевской
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старой-от казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чистó поле,
Й он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тоби полно-тко свистать да по-солóвьему,
Тоби полно-тко крычать да по-звериному,
Тоби полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
Тоби полно-тко вдовить да жен молóдых,

Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок.

А тут Соловью ему и славу́ поют,
А й славу́ поют ему век по́ веку.

(Записано А. Ф. Гильфердингом 8 июля 1871 года в Кижях (Заонежье) от Трофима Григорьевича Рябина, 78 лет.)

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.
Изд. 4, М. — Л., т. II, 1950.